

Лу Чанъюань и Тао Юань не спеша шли позади всех. Отойдя уже довольно далеко, Лу Чанъюань вдруг остановился, обернулся и задумчиво посмотрел на подсобку.

Тао Юань понизил голос:

— Сегодняшнее дело и впрямь вышло странным. Если ты так переживаешь, можем найти даоса, пусть осмотрит.

Лу Чанъюань лишь усмехнулся, но смысл усмешки был неясен. — Люди ни на что не годны, чего уж о призраках говорить. — Он помолчал, затем добавил:

— Будь он и впрямь столь могуществен, не умер бы так просто. Да и вообще, человек умирает — и свет гаснет, тело обращается в прах. Все эти духи да божества — не более чем людские выдумки.

— Но реакция твоей невестки и вправду была странной, — Тао Юань, будучи юн и горяч, тоже в призраков не верил, но произошедшее не могло не вызвать подозрений.

Лу Чанъюань промолчал. Реакция Цзи Жаня и впрямь была странной, необъяснимой. Вся эта история вызывала недоумение. Но что, если... что, если... Лу Чанъюань и сам не знал, что хотел сказать. Что Цзи Жань вдруг споткнулся и от злости так разошёлся? Что ветер разом всё с алтаря сдул? Даже ему самому такие объяснения казались неубедительными. Но списывать всё на происки нечистой силы он считал вздором.

— Кстати, этот кирпич из жёлтой глины, кажись, твоя матушка готовила? — спросил Тао Юань.

Лу Чанъюань кивнул:

— Но по её реакции видно — притворства не было. Она и вправду ничего не знала, иначе отреагировала бы иначе.

— Верно, — Тао Юань ненадолго задумался, затем вдруг оживился. — Вспомнил! Прошлой ночью, как вышел по нужде, видел — кто-то крадёт в ту самую подсобку. По стати — твоя вторая невестка.

— Да? — Лу Чанъюань бросил на Тао Юаня быстрый взгляд, затем нахмурился. — Недаром она сегодня под предлогом недомогания не пришла. Выходит, это она подложила?

Тао Юань пожал плечами:

— Этого уж не знаю.

Но Лу Чанъюань уже почти не сомневался — дело рук Лэн Сянлянь. Что ж она задумала? О чём вообще думала?

— Слышал, недавно у вас в доме нечистью пахло, — Тао Юань пробыл здесь недолго, но уже многое успел разузнать. — Говорят, тогда как раз твоя вторая невестка с матушкой и бесновались. По-моему, дыма без огня не бывает.

— Это... — Лу Чанъюань тоже слышал об том случае, и теперь в душе у него зашевелилось сомнение.

Оставим семью Лу разбираться в своих тревогах и страхах. Цзи Жань же, выбежав из дома Лу, припустил бегом, прижимая к груди табличку, и вскоре оказался у себя. Рабочие как раз

кучками сидели и доедали приготовленные им заранее рисовую кашу с солёными овощами и паровые булочки. Увидев, как он, бледный, промчался вихрем в дом, все опешили, но лезть не стали — они здесь, чтобы строить, а в хозяйские дела соваться не их дело да и не к чему.

Цзи Жань вбежал в дом и с размаху захлопнул дверь. Подойдя к соломенному ложу, он опустил и достал табличку.

— Лу Чжэнь? Лу Чжэнь! Ты как, Лу Чжэнь? — принялся он звать, похлопывая по табличке в надежде вызвать Лу Чжэня наружу. Но сколько ни хлопал — табличка оставалась недвижима.

Чёрт... Неужели...

Цзи Жань боялся даже думать об этом.

Вновь, уже дрожащей рукой, похлопал по табличке. Голос его дрожал и срывался:

— Лу Чжэнь? Лу Чжэнь, ты жив или нет, хоть звук какой издай!

И в тот миг он осознал, как сильно Лу Чжэнь ему дорог. Настолько, что это переросло в страх. Одна мысль о том, что Лу Чжэнь может вдруг исчезнуть из его жизни, заставляла сердце сжиматься от паники.

— Лу Чжэнь... Лу Чжэнь...

Чем больше он думал, тем страшнее становилось. В голосе уже слышались слёзы. Но прежде чем он успел заплакать, его с силой швырнуло на циновку, а следом навалилась невесомая тень.

Горло сжало, тело окаменело, пошевелиться невозможно...

Знакомое ощущение — будто навалился призрак...

Цзи Жань обрадовался, глаза его расширились. В душе он закричал: Лу Чжэнь!

Но в ответ Лу Чжэнь лишь грубо принялся рвать на нём одежду.

Цзи Жань в ужасе наблюдал, как его в три секунды раздевают догола. В голове пронеслось: «Чёрт!»

Неужто он не был на грани исчезновения? Тогда к чему эта спешка и грубость? В такой критический момент разве не следовало подумать о спасении? Заниматься таким при свете дня — это ли правильный ход мыслей?

И зачем опять этот «призрак» навалился?

После первого раза же всё было хорошо...

Размышлять дальше Цзи Жаню не дали. Лу Чжэнь был невероятно нетерпелив. Даже не удосужившись подготовить его, он вонзился одним движением, ледяным колом до самого основания. От боли Цзи Жань весь затрепетал, глаза выкатились, лицо перекосила гримаса.

Чёрт! Лу Чжэнь, чтоб тебя!..

А он ещё переживал за этого типа!

Лу Чжэнь, чтоб тебя разорвало!..

Чем больнее становилось, тем злее делался Цзи Жань. Но вскоре даже на злость сил не осталось. Ибо в миг соединения Лу Чжэнь принялся действовать резко и грубо, и боль была такой, что, казалось, вот-вот испустишь дух.

Ледяная боль, дикое мучение...

Цзи Жань думал, что хуже уже не будет, но вскоре почувствовал неладное. Сознание затуманилось, в груди стало тяжело, дышать трудно. Вся кровь в теле будто застыла от струящегося внутрь, беснующегося холода. Всё холоднее, холоднее... Словно провалился в ледяную пещеру, вырваться невозможно, остаётся лишь тонуть.

Перед тем как окончательно потерять сознание, Цзи Жань уловил, как Лу Чжэнь снова и снова бормочет: «Прости...»

Прости...

Раз уж знаешь, что виноват, зачем тогда так поступаешь?

В тот миг Цзи Жань понял: слово «прости» — одна сплошная пустота.

Цзи Жань очнулся глубокой ночью. На столе тускло мигал огонёк масляной лампы, но его хватало, чтобы разглядеть это тесное пространство. Кроме груды безжизненных вещей да его самого, распластавшегося на соломенном ложе, ни души. Лу Чжэня и след простыл. Просыпаться в одиночестве после такого случалось и раньше, но сейчас на сердце было особенно тошно, и где-то внутри копилась обида.

А как не обижаться? Сотенный день поминов испоганили родственники Лу, да ещё и Лу Чжэня довели до исступления, а сам он теперь чувствовал, будто его изнутри вывернули. Цзи Жань думал, хуже уже некуда.

Занимались они этим среди бела дня, а теперь, очнувшись глубокой ночью, он чувствовал зверский голод. Но, вспомнив о своём состоянии, аппетит тут же пропал. Входить-то было легко, а выходить... Он содрогнулся при одной мысли о предстоящих муках. Даже на жидкое смотреть не хотелось. Похоже, несколько дней придётся сидеть на одной воде.

Чёрт! Да что же это за напасть такая?!

Цзи Жань в отчаянии взвыл и уже собрался натянуть на голову одеяло, как дверь с скрипом отворилась. Вошёл Лу Чжэнь, держа в руках какой-то предмет.

Увидев его, Цзи Жань выпучил глаза, стиснул зубы и промолчал. Он одновременно и волновался за состояние Лу Чжэня, и хотел закатить ему бойкот — сам с собой боролся.

Лу Чжэнь постоял у порога, молча понаблюдав за Цзи Жанем, затем закрыл дверь, подошёл и сел рядом, скрестив ноги.

Цзи Жань невольно следил за ним глазами, но продолжал молчать, лишь уставившись на него. Выражение его лица было одновременно глупым и комичным. Лу Чжэнь, глядя на это, почувствовал, как сердце сжимается от боли. Он глубоко корил себя за то, что ненароком причинил Цзи Жаню страдания. Но что значили его угрызения совести и жалость перед той болью, что выпала на долю Цзи Жана? Сущая ерунда.

Слова «прости» застряли в горле, вертелись на языке, но в итоге он лишь вздохнул и проглотил их. Лу Чжэнь протянул руку, погладил Цзи Жаня по лбу, подушечки пальцев нежно скользнули по коже. Взгляд его был сосредоточенным и полным нежности.

— Ты... там поранился, — проговорил он наконец. — Я у лекаря Фаня... взял мази. Намажу — быстрее заживёт. — Деревянная коробочка в его руках была той самой мазью. Поставив её на циновку, он осторожно перевернул Цзи Жаня, уложив его на живот.

Поза была до крайности унижительной...

<http://bllate.org/book/16271/1464416>